

РЕЛИГИЯ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению отношений государства и религии в Монголии. Она выполнена в формате исследования религиозной политики. Методологической базой этой работы стала концепция мягкой силы.

Ключевые слова: «мягкая сила», религия, Монголия, культурная экспансия, цивилизационная безопасность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ (Религиозная ситуация во Внутренней Азии: проблемы постсоветских трансформаций), проект № 13-33-01260

В представленной статье мы рассматриваем роль религии как фактора политической жизни Монголии. В основу работы легла теория «мягкой силы», через призму которой мы рассматриваем религиозную ситуацию в этой стране. Цель статьи – проанализировать феномен политического и культурного влияния иностранных государств посредством религиозных организаций на Монголию. Проблема описания этого феномена заключается прежде всего в выборе категорий анализа, которые предлагает политическая наука. В свою очередь в рамках исторических исследований политическая роль религий была описана достаточно хорошо, хотя это описание опиралось преимущественно на фактологический и источниковедческий анализ. В данном исследовании мы сосредоточимся только на политическом влиянии, намеренно оставив без внимания внутривнутриполитические проблемы. Пример Монголии интересен уже тем, что это одно из немногих государств бывшего социалистического лагеря (неформально считавшееся 16-й республикой СССР), которое на протяжении последних 20 лет успешно развивается по пути либеральной демократии.

С другой стороны, в политическом дискурсе Монголии на уровне нормативных документов принято оперировать термином «цивилизационная безопасность», который подразумевает сохранение буддистской идентичности монголов. При этом с конца 1920-х гг. и до 1989 г. в стране реализовывался масштабный секуляристский проект, направляемый из СССР. Все это существенно ослабило позиции традиционного буддизма среди населения Монголии. В современных условиях, начиная с 1990-х гг., в стране получили широкое распространение христианские и мусульманские религиозные объединения. Данные монгольской статистики весьма приближительны, многим религиозным общинам было отказано в регистрации в Минюсте, но они функционируют полулегально. По официальным данным, в 2010 г. в Улан-Баторе зарегистрированы и действуют 115 христианских храмов и церквей, 62 буддийских монастыря и дацана, 10 шаманских центров, 2 мечети, 1 бахаистский храм¹. В то же время, стремясь сохранить образ демократического государства, руководство Монголии время от времени балансирует между существенным ограничением нетрадиционных религий и свободой вероисповедания. Однако в большинстве отчетов организации Freedomhouse уровень религиозной свободы в этой стране оценивается как стабильно высокий². Сегодня проблема вероисповедания приобретает в Монголии особое значение в силу того, что открытость этой страны внешним влияниям, особенно в культуре и социальной сфере, очень велика. Представление о современной религиозной ситуации в стране

можно получить из работ Л.Л. Абаевой, Н.Л. Жуковской³, Р.Т. Сабирова⁴, Т.Д. Скрынниковой⁵, Ю.П. Шагдурова⁶, Р. Амайон⁷, К. Хэмфри⁸, Д. Чулуунжава, Ц. Цэцэнбилэг⁹. В свою очередь, данная работа, встраиваясь в общий контекст исследований религии в монгольском мире, акцентирует внимание на проблеме взаимосвязи верований и политического влияния.

Традиционно одним из наиболее распространенных способов влияния является экспорт идей, культурных ценностей, стилевых стратегий. Самым большим спросом из всего перечисленного пользуется религия. В настоящее время основной импортируемой в Монголию идеологией становится христианство, однако оно не имеет тех инструментов для распространения, какие имел марксизм в начале XX в. Замена идеологии на религию тесно связана с общемировым трендом десекуляризации общества¹⁰, который распространяется и на Монголию. При этом христианство не единственное направление данного процесса, в страну уверенно проникает и находит последователей ислам. Однако изначально автор теории «мягкой силы» Дж. Най в своих работах всячески избегал упоминания о религии¹¹. После массового распространения и критики его идей, упоминания о религии в контексте «soft power» стали достаточно частыми. Так, политолог Колин Тэлбот в своем блоге на Уайтхолл-Виллидж опубликовал теоретическую статью «Завершая Наю: религия и мягкое влияние»¹². Он считает, что религия – старейший в мире инструмент идеологического влияния. Наиболее интересными исследованиями в этой области являются работы Джеффри Хейнса, посвященные проблематике религиозного «мягкого влияния». Он связывает возрастающую роль религии в международных отношениях с процессами десекуляризации и постколониализма. Важно еще и то, что Д. Хейнс выбрал транснациональный контекст анализа религиозного «мягкого влияния». Более того, апеллируя к Наю, автор указывает на существование негосударственных акторов «мягкого влияния», в их числе он называет «Галибан», «ХАМАС», «Аль-Каиду»¹³. Вероятнее всего, со сходными транснациональными организациями христианской направленности мы сталкиваемся и в Монголии. Пример тому – активная позиция Римской Католической Церкви. Именно ее деятельности посвящена книга немецкого политолога Андреаса Зоммереггера «Мягкое влияние и религия. Святой престол в международных отношениях»¹⁴.

Традиционные религии и политическое влияние

Понятие «традиционные религии» в Монголии появилось под влиянием закона о религии. На уровне публичного дискурса данный термин подразумевает буддизм и шаманизм. Монголия, перешедшая в 1924 г. к Народной Республике от буддистской теократии, имела огромное влияние в духовной сфере почти во всей Внутренней Азии. Даже в период строительства социализма на территории этой страны находилось единственное в странах социализма учебное учреждение, готовившее ламское духовенство. Оно находилось при храме Гандан Тегчленг в Улан-Баторе. Поступать в него ехали хувараки из Бурятии, Калмыкии, Тувы – так называемых буддистских регионов СССР. В 1970 г. под влиянием конфликта СССР и КНР в Монголии была создана «Азиатская буддистская конференция за мир». Во многом ее деятельность была направлена против китайской экспансии, а также на символическую поддержку тибетского правительства в изгнании. Именно поэтому в 1979 г. Далай-лама XIV получил возможность посетить Монголию. Все это способствовало росту внешнеполитической роли Гандан Тегчленга как буддистского центра в странах социализма. Однако с 1990-х гг. ситуация начинает меняться, что связано с двумя крупными явлениями, характерными для Внутренней Азии в целом. Во-первых, это национализация буддизма, связанная с национально-культурным возрождением, начавшимся в постсоветский период. Роспуск Централь-

ного духовного управления буддистов (ЦДУБ) определил процессы децентрализации буддизма на территории России¹⁵. Формирование национально ориентированного буддизма (бурятского, монгольского, тувинского), несмотря на противоречие самой основе доктрины этой религии, привело к утрате Монголией статуса центра. Во-вторых, 1990-2000-е гг. – период распространения буддизма, проповедуемого тибетскими ламами (приезжающими из Индии), создававшими самостоятельные структуры, действующие автономно от национальных. Рост авторитета тибетских учителей буддизма в Бурятии, Монголии и Туве является едва ли не главным трендом начала XXI в.

Зачастую это приводит к дипломатическим эксцессам в отношениях с КНР. Особенно когда дело касается визитов лидера тибетских буддистов в Улан-Батор. Далай-лама открыто приезжает в Монголию, встречается с верующими, политическими и общественными деятелями, что вызывает негативную реакцию в Пекине, поскольку власти КНР считают Далай-ламу главой тибетских сепаратистов¹⁶. Однако Монголия в данном вопросе занимает последовательную позицию, ссылаясь на исторические традиции. Каждое поколение буддистских лам в этой стране имело тесную связь с Тибетом и его теократическим главой. Сегодня традиция продолжается, в результате обучения монголов в Дхармасале формируется влиятельная группа поддержки тибетского правительства в изгнании. По сей день вопрос о Далай-ламе и его деятельности – один из наиболее сложных в монголо-китайских отношениях. Сегодня буддизм как культурная и религиозная традиция является основной составляющей образа Монголии в качестве суверенного государства в международном политическом дискурсе.

С другой стороны, все это способствует формированию образа Монголии как демократического государства и вызывает положительную реакцию в среде буддистов Европы и Америки. Сотрудничая с международными организациями – такими как «Фонд сохранения традиций Махаяны», Монголия оказывается включенной в международные сети буддистов. Несмотря на то, что это нарушает принцип автаркии «национальной сангхи», данная тенденция набирает все большие обороты. В результате формируется позитивный опыт взаимоотношений на международном уровне среди буддистов, имеющих возможность присутствовать на встречах Далай-ламы с верующими. Особенно важно это для выходцев из регионов, не принимающих его на своей территории по политическим причинам. Если же рассматривать регион Внутренней Азии в целом, включающим в себя Алтай, Бурятию, Туву и некоторые районы КНР, то на их фоне Монголия выступает как несомненный лидер религиозного возрождения. Важен и тот факт, что значительная часть буддистской атрибутики для российских храмов привозится с территории этой страны. Данные товары являются частью монгольского реэкспорта из КНР в Россию.

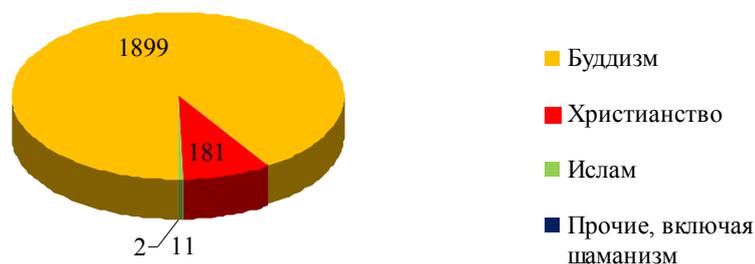
Буддизм для Монголии не только «визитная карточка» и номинальная основа идентичности, но и часть позиции на международной арене. Занимая принципиальную позицию по проблеме визитов Далай-ламы, страна демонстрирует свое мнение по вопросу актуальности и значимости для себя цивилизационной основы – буддизма. Все это способствует росту привлекательности Монголии как буддистского государства, способного отстаивать основы своей идентичности на уровне мировой политики.

Нетрадиционные религии во внешней политике Монголии

Под нетрадиционными религиями в Монголии мы подразумеваем христианские конфессии, которые получили широкое распространение в этой стране с 1990-х гг. Несмотря на то, что многие из них претендуют на многовековую историю присутствия в Монголии, данные заявления носят декларативный характер и законодательно не закреплены. Христианские конфессии в Монголии, помимо православия и католицизма, широко

представлены адвентистами, баптистами, пятидесятниками и т.д. Их роль в стране тесно связана с внешнеполитическими трендами, начиная с отношений с конкретными державами, – например с Россией, заканчивая культурными заимствованиями, привезенными монголами-гастарбайтерами из Южной Кореи и Японии. По данным на 2010 г., количество христиан в стране составило 4,7%, из них католиков насчитывалось 108 человек, православных (вместе с русскими) 300 человек, все остальные – представители пресвитерианско-евангелистских направлений, а также мормоны. Христианство выступает здесь как инструмент «мягкой силы», как идеология, ориентирующая на ценности, характерные для какой-либо страны. При этом большое значение имеет легитимность конфессии, что обостряет борьбу на этом поле за право считаться наиболее «укорененной» или наиболее «чистой» религией. Участие в политике стало характерной чертой процесса христианизации Монголии. С другой стороны, христианство обладает потенциалом трансляции западного стиля жизни и модернистских взглядов.

Распространение христианства среди монголов открыло новые возможности для притока в Улан-Батор и другие регионы страны христианских миссионеров из самых разных стран. В современных условиях в отличие от периода социализма миссионерская работа стала более безопасной. В течение 1920-1930-х гг., например, в Монголии была ликвидирована католическая миссия. Под влиянием советской идеологии был разрушен православный храм. После этого, вплоть до начала 1990-х гг., попыток реставрации христианских миссий в стране не предпринималось. Сегодня христианство (преимущественно евангелистско-пресвитерианских направлений) связывается в Монголии еще и с политической ориентацией на демократические и либеральные ценности. Большинство христианских объединений Монголии так или иначе связаны культурными установками, исходящими из Южной Кореи и США. Однако реакция основной массы монголов и представителей так называемых традиционных религий на данные конфессии в основном негативная. Характеризуя стремительную христианизацию Монголии, глава буддистов Далай-лама XIV заявил: «Лучше всего придерживаться собственной религиозной традиции. В Монголии миссионеры платят людям по 15 долларов за обращение в христианство. Поэтому некоторые становятся христианами каждый год, снова и снова, только чтобы получить 15 долларов за обращение в христианство! Я советую этим миссионерам не вмешиваться и позволить людям в Монголии оставаться традиционными буддистами. То же и в случае с западными людьми, когда я говорю им придерживаться своих религий»¹⁷.

Количество монахов и миссионеров в Монголии в 2010 г.

На современном этапе большую роль в общественной жизни страны играет гражданское движение христиан. В связи с этим власти Монголии предпринимают меры по административному ограничению деятельности пресвитерианско-евангелистских церквей. В свою очередь Руслан Андрейченко, пастор церкви «Свет миру» в городе Эрдэнэт заявил, что они

«готовы к подъему внутримонгольского движения за свободу вероисповедания»¹⁸.

Пресвитерианско-евангелистские миссионеры занимают в Монголии наиболее агрессивную позицию. Они пренебрежительно относятся к буддизму и шаманизму, называя их языческими культами. Миссионеры из Кореи и США пытаются вмешиваться в политическую жизнь страны. На наш взгляд, такая позиция напрямую связана с внешнеполитическими процессами и с борьбой за природные ресурсы. В этой ситуации страны – потенциальные инвесторы, пытаясь сформировать наиболее благоприятную для себя ситуацию, опираются на христианские миссии. Задача таких миссий – увеличить степень присутствия и идеологического влияния США и Южной Кореи не только в Монголии, но и во всей Внутренней Азии. Сегодня общее количество христиан всех направлений в этой стране достигло 40 тыс. человек, преимущественно это молодежь. Из них 90% евангелистов и 9% мормонов. По официальным данным, в Монголии более 250 незарегистрированных евангелистских церквей¹⁹. В стране есть христианский телевизионный канал Eagle TV и прохристианская радиостанция «Семейное радио». Только одна Церковь адвентистов седьмого дня имеет около 1200 прихожан и языковую школу в Улан-Баторе.

Однако усилия представителей этой миссионерской линии сталкиваются с противодействием официальных властей страны. Монгольскими властями все чаще озвучивается необходимость сокращения количества культовых объектов представителей «нетрадиционных» религии Монголии – до 10% от числа буддистских храмов в стране. Политики объясняют это надвигающейся угрозой цивилизационной безопасности страны, в основе которой буддистская и шаманистская составляющие, что закреплено на законодательном уровне.

Проблема цивилизационной безопасности

Цивилизационная безопасность – категория, сформулированная в концепции национальной безопасности Монголии. Она подразумевает собой внешние вызовы, способные разрушить или изменить цивилизационную или национальную идентичность монголов. При этом априори считается, что Монголия – это страна исторически сложившейся кочевой скотоводческой цивилизации, в которой в преимущественном положении находится буддизм. Наряду с этим, большое значение приобретает тенгрианство, претендующее на роль «исконной» религии кочевников Азии. Тенгрианство (или культ Неба), иногда смешиваемый с понятием шаманизма, не имеет в Монголии государственного статуса, несмотря на заявляемые претензии на первенство. Законодательно определено, что буддизм занимает особое место в истории и культуре монголов. В этой связи подразумевается некая идентификационная модель монгол = буддист (как исключение шаманист) = скотовод-кочевник (или потомок последних). Однако под влиянием глобализационных процессов данная созданная «сверху» система идентификации размывается. Ситуация конца XIX в., описанная А.М. Позднеевым, когда в почти каждой монгольской семье был свой лама, окончательно ушла в прошлое как под влиянием социалистического строительства, так и современных социально-экономических изменений. Наметилась отчетливая тенденция к изменению религиозной идентификации, которая все меньше связывается с политической лояльностью или принципом подданства (гражданства). В этих условиях был сформирован новый дискурсивный порядок, описывающий религиозную принадлежность в категориях цивилизационного подхода. Отталкиваясь от теории А. Тойнби²⁰ и К. Ясперса²¹, подчеркивавших особую роль религии в процессе возникновения цивилизации, монгольские политологи вывели понятие цивилизационной безопасности. В Концепции национальной безопасности

(КНБ) Монголии написано: «Безопасность монгольской культуры и образа жизни означает такое положение, когда обеспечиваются условия для сохранения национального языка, истории, культуры, обычаев и традиций, которые составляют основу существования и развития монгольской нации и ее государственности и условия для вечного существования монгольского народа». Развивая эту идею, авторы КНБ указывают на то, что необходимо: «1) Уважать свободу совести и религиозных верований, воздерживаться от вмешательства в дела церкви со стороны государства; делать возможным для церкви свободно отправлять ее службы; держать под надзором государства число мест богослужения, их месторасположение и фактическое число священнослужителей. 2) Уделять межконфессиональным отношениям особое внимание государства и предупреждать кризисы и конфликты; сохранять деятельность любой церкви в законных рамках, предупреждая любой ущерб национальной культуре, а также обычаям и традициям»²².

В результате этого возникают противоречия между государством, которое предпринимает попытки бороться с вызовами цивилизационной безопасности страны, и потребностью соблюдать демократические принципы. Мы считаем, что современная Монголия, вступившая на путь масштабных экономических преобразований и столкнувшаяся с вызовами глобализации, постепенно уступит давлению внешних обстоятельств и откроет в большей степени равные возможности для всех конфессий. При этом вызовы со стороны христианства не несут в себе масштабной угрозы монгольской идентичности уже в силу достаточно высокой конкуренции между различными направлениями данной религии в этой стране.

В то же время после смерти главы буддистов Монголии Богдо-гэгэна IX, который лишь в 2010 г. получил гражданство этой страны, ожидается его новое перерождение. Вероятнее всего монгольский буддизм получит нового молодого лидера и со временем восстановит утраченные позиции. Рассматривая этот вопрос в контексте цивилизационной безопасности, необходимо отметить, что институт богдо-гэгэнов как духовных лидеров монгольских буддистов традиционно являлся одной из основ того, что сегодня называют кочевой цивилизацией Монголии.

Таким образом, в силу сложившейся вокруг Монголии внешнеполитической ситуации христианские церкви в стране – это институты политического присутствия. Их ангажированность напрямую обусловлена плавающей региональной политической идентичностью страны. В такой ситуации ключевые региональные акторы используют все имеющиеся средства для того, чтобы изменить баланс сил в свою пользу. При подобном раскладе сил официальные власти Монголии апеллируют к «Концепции национальной безопасности» страны, в которой прописаны угрозы цивилизационного характера²³. Под ними подразумеваются вызовы, способные изменить основу буддистской кочевой цивилизации монголов. Однако в условиях борьбы мировых держав за контроль над природными ресурсами Монголии о данном пункте вспоминают только в исключительных случаях. Какой будет Монголия в обозримом будущем? Предположить сложно. Мы всего лишь наметили вероятные траектории развития ситуации.

Рассмотрев основные сценарии распространения христианства в Монголии, мы приходим к выводу, что наиболее перспективным будет вариант с пресвитерианско-евангелистским трендом. Основа его успешности – то, что он совпадает с процессом экономической интеграции Монголии в экономический регион Северо-Восточной Азии. Южно-корейская модель развития стала для монголов ключевым ориентиром. Как уже говорилось, многие монголы приняли христианство, находясь в качестве гастарбайте-

ров в этой стране. Их количество продолжает увеличиваться с каждым годом, так как уровень материального благосостояния в Монголии растет медленно и средний месячный заработок в стране составляет 45 долларов США, в то время как в Южной Корее – до 2000 долларов²⁴. Несомненно, это влияет на популярность среди монголов корейского образа жизни, а также товаров, стереотипов поведения и религиозных ценностей. При этом южно-корейская модель христианства является вариацией американских пресвитерианских общин, что также открывает широкие возможности для проповедников из США, являющихся проводниками политики своего государства в регионе. В данной ситуации мы сталкиваемся с весьма эффективно организованной политикой «мягкого влияния». Это наглядно прослеживается в связи с комплексностью распространения ценностей, выстраиваемых в иерархию: либеральная демократия – НКО – христианство (пресвитерианского типа).

Библиографический список

Белькова А.А. Процессы десекуляризации в постсоветской Бурятии // Вестник Бурятского гос. ун-та. – 2012. – № 7. – С. 177-179.

Жуковская Н.Л. Категория и символика традиционной культуры монголов. – М.: Наука, 1988. – 200 с.

Сабиров Р.Т. Буддизм в современной Монголии: традиционные и новые элементы // Научная конференция «Ломоносовские чтения» в апреле 2006 г.: Востоковедение, апрель 2006 г. Тезисы докладов. – М.: Изд-во МГУ, 2006. – С. 348-353.

Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI – начало XX вв. – Новосибирск, 1988. – 104 с.

Тойнби А.Дж. Постижение истории. Сборник / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.

Шагдуров Ю.П. Православная церковь в Монголии // Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке: Монголия и ее окружение. Материалы научных «круглых столов». – М.: Восточная литература, 2005. – С. 121–123.

Цэцэнбилэг Ц. Проблемы модернизации монгольского общества. – Улан-Батор, 2002. – 126 с.

Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. – Изд. 2-е. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

Hamayon R. Shamanism, Buddhism and Epic Heroism: Which Supports the Identity of the Post-Soviet Buryats? // Central Asia Survey. – 1998. – № 17(1). – P. 51 – 67.

Haynes J. Causes and Consequences of Transnational Religious Soft Power // Political Studies Conference Proceedings. URL: <http://www.psa.ac.uk/Proceedings> (дата обращения 05.11.2011).

Humphrey C. Shamans in the city // Anthropology Today. – 1999. – № 15 (3), June. – P. 3 – 11.

Karpov V. Desecularization: A Conceptual Framework // Journal of Church and State. – 2010. – Vol. 52, № 2. – P. 250.

Mongolian Statistical Yearbook 2010. Ulaanbaatar: NSO, 2010. – 320 p.

Mongolia. International Religious Freedom Report 2008. URL: <http://www.state.gov/g/drl/rls/irf/2008/108416.htm> (дата обращения 29.10.2011).

Talbot C. The End is Nye: Religion and Soft Power // whitehallwatch.org/2009/09/21/the-end-is-nye-religion-and-soft-power/ (дата обращения 10.11.2012).

¹ Mongolian Statistical Yearbook 2010. – Ulaanbaatar: NSO, 2010. – P. 356.

² Freedom in the World 2013. Democratic breakthroughs in the balance. URL: <http://www.freedomhouse.org/sites/default/files/FIW%202013%20Booklet.pdf>.

³ Жуковская Н.Л. Категория и символика традиционной культуры монголов. – М.: Наука, 1988. – 200 с.

- ⁴ Сабиров Р.Т. Буддизм в современной Монголии: традиционные и новые элементы // Научная конференция «Ломоносовские чтения». Востоковедение, апрель 2006. Тезисы докладов. – М.: Изд-во МГУ, 2006. – С. 348-353.
- ⁵ Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI – начало XX вв. – Новосибирск, 1988. – 104 с.
- ⁶ Шагдуров Ю.П. Православная церковь в Монголии // Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке: Монголия и ее окружение: Материалы научных «круглых столов». – М.: Восточная литература, 2005. – С. 121-123.
- ⁷ Namayon R. Shamanism, Buddhism and Epic Heroism: Which Supports the Identity of the Post-Soviet Buryats? // *Central Asia Survey*. – 1998. – № 17(1). – P. 51 – 67.
- ⁸ Humphrey C. Shamans in the city // *Anthropology Today*. – 1999. – № 15 (3), June. – P. 3 – 11.
- ⁹ Цэцэнбилэг Ц. Проблемы модернизации монгольского общества. – Улан-Батор, 2002. – 126 с.
- ¹⁰ Karpov V. Desecularization: A Conceptual Framework // *Journal of Church and State*. – 2010. – Vol. 52, № 2. – P. 250.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Talbot C. The End is Nye: Religion and Soft Power. URL: <http://whitehallwatch.org/2009/09/21/the-end-is-nye-religion-and-soft-power/> (дата обращения 10.11.2012).
- ¹³ Haynes J. Causes and Consequences of Transnational Religious Soft Power // *Political Studies Conference Proceedings*. URL: <http://www.psa.ac.uk/Proceedings> (дата обращения 05.11.2011).
- ¹⁴ Sommeregger A. *Soft Power und Religion: Der Heilige Stuhl in den internationalen Beziehungen*. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011.
- ¹⁵ Белькова А.А. Процессы десекуляризации в постсоветской Бурятии // *Вестник Бурятского гос. университета*. – 2012. – № 7. – С. 177-179.
- ¹⁶ МИД Китая осудил Монголию за организацию визита Далай-ламы. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=13410>.
- ¹⁷ Далай-лама XIV. Значимость религии в наше время. URL: <http://www.berzinarchives.com> (дата обращения 28.10.2011).
- ¹⁸ Христиане Монголии готовы отстаивать свободу вероисповедания. URL: <http://www.dom-milosti.ru/news.html?id=29> (дата обращения 28.10.2011).
- ¹⁹ Mongolia. *International Religious Freedom Report 2008*. URL: <http://www.state.gov/g/drl/rls/irf/2008/108416.htm> (дата обращения 29.10.2011).
- ²⁰ Тойнби А. Дж. *Постижение истории*. Сборник / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.
- ²¹ Ясперс К. *Смысл и назначение истории* / пер. с нем. – Изд. 2-е. – М.: Республика, 1994. – 527 с.
- ²² Концепция национальной безопасности Монголии. URL: http://http://asiapacific.narod.ru/mongolia/conception_of_security/conception_1.htm
- ²³ Концепция национальной безопасности Монголии. URL: http://http://asiapacific.narod.ru/mongolia/conception_of_security/conception_1.htm
- ²⁴ Данные см. *Mongolian Statistical Yearbook 2010*. – Ulaanbaatar: NSO, 2010. – P. 357.